

Анна Петровна Зонтаг¹⁾.

1. Изъ писемъ ея къ Е. С. Поливановой.

1.

15 Января 1848 года. Село Мишенское.

Не знаю какъ мнѣ благодарить васъ, моя безцѣнная Катерина Сергѣевна, за драгоценныя ваши строки, а особливо за любовь вашу къ моимъ дѣтямъ²⁾ и ко мнѣ грѣшной. Кому же теперь вы поручили управленіе вашимъ имѣніемъ? Жаль мнѣ, что оно не въ сосѣдствѣ съ моимъ, а то бы я взяла хотя небольшой надзоръ. Мы всѣ деревенскіе жители очень испуганы безснѣжіемъ и морозами довольно сильными; боимся, чтобы озимый хлѣбъ не вымерзъ и не было бы опять голода, какъ въ сороковомъ году. Это безснѣжіе повсемѣстное, поля у насъ едва прикрыты, и на пашнѣ видны глыбы; на саняхъ почти невозможно ѣздить. И къ тому же въ сильные морозы, по 20 и 19 градусовъ, бываетъ какой-то прохладный туманъ, послѣ котораго всегда проявляется гдѣ-либо холера. У меня до сихъ поръ все было благополучно. Какъ-то впередъ Господь пожелаетъ? На эту пору я совершенно пустынно-жительствую: Петерсонъ съ женою уѣхалъ въ Москву уже три недѣли, а недѣля тому назадъ, какъ и сестра³⁾ съ дѣтьми туда же уѣхала. Первые дни моего одиночества у меня въ домѣ была такая тишина, что не

¹⁾ А. П. Зонтагъ, старшая племянница и другъ В. А. Жуковского. На ея Священной Исторіи и другихъ повѣстяхъ воспитались цѣлыя поколѣнія. Труды ея до сихъ поръ не утратили своего добраго воспитательнаго значенія. Эти письма сообщены въ „Русскій Архивъ“ покойнымъ Николаемъ Петровичемъ Поливановымъ. П. Б.

²⁾ Т. е. къ дочери ея и ея зятю, Гутмансталу, Австрійскому въ Одессѣ консулу. Въ въ Одессѣ же служилъ Петръ Николаевичъ Поливановъ, котораго супруга, Екатерина Сергѣевна,—сестра извѣстнаго археолога и министра Аврама Сергѣевича Норова.

³⁾ Авдотья Петровна Елагина. тогда тоже вдова (вторично).

слышно было ничего, кромѣ толстыхъ зимнихъ глупыхъ мухъ, которыя, летая, стучаются о потолокъ. Насъ осталось во всемъ домѣ трое: я и двѣ дѣвочки; мужчины ни одного. Чтобы нѣсколько было поживѣе, я заставила трехъ крестьянскихъ дѣвочекъ пряхъ нитки, и онѣ гремятъ своими самоприлками, болтаютъ, распѣвають пѣсни, сидя за работой въ дѣвичьей; а я подкармливаю пряничками, крендельками, что такъ имъ нравится, что онѣ даже не ходятъ ночевать домой. Но вотъ ужъ скоро онѣ кончатъ свою урочную работу, и я опять останусь въ совершенной тишинѣ. Но вѣдь надобно же и отдохнуть! Если бы стало немножко потеплѣе, то поѣхала бы къ тетушкѣ¹⁾, у которой не была съ прѣзда; а теперь, признаюсь, меня очень страшатъ эти морозы: 20 и 19^о, изъ этого не выходить, а иногда и больше. Петерсонъ пишетъ, что въ Москвѣ еще холоднѣе. Я, благодаря Бога, здорова и веду себя порядочно, т. е. не тягочусь своимъ одиночествомъ и уживаюсь съ собою. Работаю, читаю и кромѣ писемъ не пишу ничего, развѣ только хозяйственныя книги. Новостей не знаю никакихъ; шумъ свѣта, ни малаго, ни большаго, до меня не доходитъ, и я не слышу ничего кромѣ шума трехъ самоприлокъ. Работаю все еще надъ завѣсомъ къ Машенькинымъ окнамъ или къ окну, но этотъ завѣсъ такъ широкъ, что его достаточно на два окна, если ихъ драпировать на одну сторону: тогда она могла бы убрать мою работу свои окна въ спальнѣ. Читаю много, а когда очень устанутъ глаза, то раскладываю гранпасіансъ; а между тѣмъ думаю, думаю, и за чтеніемъ и за пасіансомъ все думаю о томъ, что было и чего не воротить, стараюсь угадать, что дѣлаетъ моя Машенька, что мой ангелъ Аниутенька, но впередъ уже не загадываю, какъ бывало. Тогда еще у меня было *будущее*, а теперь его нѣтъ! *Се ми гробъ предложитъ, се ми смерть предстоитъ!*

Анна Зонтагъ.

2.

2-го Сентября 1849 года.

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе мои друзья Петръ Николаевичъ и Катерина Сергѣевна!

Я надѣялась провести нынѣшнюю зиму въ вашемъ миломъ обществѣ въ Одессѣ, но обстоятельства перемѣнились, и я осталась дома. Это значитъ (что, можетъ быть вамъ, уже извѣстно), что Машенька²⁾ оста-

¹⁾ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой, жившей подъ Орломъ.

²⁾ Марья Егоровна Гутмансталь, единственная дочь Анны Петровны отъ ея брака съ Американцемъ Русской службы Егоровъ Васильевичемъ Зонтагомъ, который служилъ начальникомъ барантина въ Одессѣ. Онъ умеръ въ 1842 году.

лась для родинъ своихъ въ Вѣнѣ. Такъ какъ возвращеніе по Дунаю еще невозможно, при продолжающихся еще смутахъ въ Венгріи, то она, не рѣшась предпринять такого дальняго путешествія сухимъ путемъ и въ послѣднемъ мѣсяцѣ своей беременности, осталась въ Вѣнѣ, что очень благоразумно. Это меня успокоило на счетъ Машенькина здоровья, хотя, признаюсь, мнѣ очень грустно быть разою съ нею въ это время. Но когда дѣло идетъ о пользѣ дочери, тогда скорбь матери забывается. Наше дѣло жить не для себя. И что жизнь моя со времени кончины Егора Васильевича? Безпрестанное горе, заботы и безпокойство! Теперь я въ такомъ совершенномъ одиночествѣ, что всякая монастырская жизнь въ сравненіи съ моею покажется шумною. Петерсоны отъ меня уѣхали жить въ Москву, и я теперь совершенно одна. Почтениѣйшій Петръ Николаевичъ! Не потягнитесь исполнить мою просьбу; Богъ наградитъ васъ за вашу обязательность, а я вамъ буду истинно благодарна. Вотъ въ чемъ она состоитъ: уѣзжая изъ Одессы и не имѣя при себѣ дѣвушки (что извѣстно Катеринѣ Сергѣевнѣ такъ, что она, добрая, милая, хотѣла было отпустить со мною свою Ватолду), я взяла съ собою дочь одного Нѣмецкаго колониста, женатаго на моей горничной дѣвушкѣ. Прошлаго года я, черезъ посредство своего зятя, перемѣнила ея билетъ, а нынѣшній годъ этаго не сдѣлала, думая быть сама въ Одессѣ и привезти съ собою эту дѣвушку. Билетъ этотъ просроченъ, и я его посылаю къ вамъ вмѣстѣ съ пятью рублями серебромъ, прося васъ черезъ посредство господина Гана, доставить мнѣ новый билетъ еще на годъ. Вѣдь я могу умереть въ теченіе этого года, а бѣдная дѣвка останется безъ всякаго вида и можетъ быть сочтена за бѣглую. При семъ также прилагаю и письмецо къ смотрителю Нѣмецкихъ колоній, капитану *Николаю Васильевичу Етцшину*. Гдѣ онъ живетъ, не знаю; но вы можете все это сдѣлать скорѣе черезъ господина Гана. Извините, что утруждаю васъ; но ужъ это общая участь людей добродѣтельныхъ и друзей добрыхъ: быть мучимыми просителями и друзьями.

Что сказать бы вамъ хорошенькаго? У насъ несчастная погода очень мѣшаетъ уборкѣ хлѣба, который и безъ того уже не очень-то хорошо родился. Но эта вѣсть совсѣмъ не хорошая, и хорошаго у меня только, что я часто получаю письма отъ моей Машеньки. Она пока здорова и живетъ со всею семьей въ загородномъ домѣ, въ селеніи или мѣстечкѣ, называемомъ Hitzingau, близъ Шенбрунскаго парка, въ которомъ она всякій день гуляетъ. Пишетъ, что Анютенка очень мила, что всѣ тамъ, родные, отъ нея въ восторгѣ, и что она начала говорить по-нѣмецки. Жалко только то, что она выучится говорить самымъ дурнымъ нарѣчіемъ, Вѣнскимъ, котораго не всѣ Нѣмцы понимаютъ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, что дѣлаете вы, мои милые, какъ поживаете? Что ваши дѣточки, что дѣлается въ Одессѣ? Петръ Николаевичъ занять своею службою, ему некогда писать всякую всячину. Я буду очень благодарна, если онъ напишетъ мнѣ нѣсколько словъ о дѣлѣ. У моей Катерины Сергѣевны болятъ ручки; ей писать трудно. Я увольняю ее отъ длиннаго письма. Но почему бы внучкѣ ея, милой Таничкѣ, не написать мнѣ длиннаго письма? Оно бы меня чрезвычайно обрадовало; особливо рассказавъ подробно все, что дѣлается въ вашемъ миломъ семействѣ, столь драгоценномъ моему сердцу. Какъ идетъ ея живопись и прочія занятія; какіе успѣхи нашихъ студентовъ, какъ учатся и рѣзвятся *козлята*, и какъ растетъ Саша? Потомъ, какъ она танцуетъ и веселится, потомъ нѣсколько словъ о нашихъ знакомыхъ и вообще объ Одесской публикѣ. Вотъ обильный текстъ для письма. Я на досугахъ намарала бы больше, но у меня очень болятъ глаза, и писать мнѣ тяжело, читать также, и я осуждена *вязать чулки*! Можете представить, какое пріятное занятіе въ такомъ одиночествѣ. Обнимаю васъ всѣхъ вкупѣ и увѣряю въ сердечной моей привязанности.

Анна Зонтагъ.

Приложенное здѣсь письмо, по прочтеніи, прошу васъ запечатайте сами для доставленія капитану Епихину.

3.

Безцѣнная моя Екатерина Сергѣевна! Меня тронуло до глубины души ваше письмо къ Александру Петровичу Петерсону; оно доказываетъ мнѣ вашу дружбу и участіе, которое вы принимаете во мнѣ. Спѣшу не только благодарить васъ, но также и сказать вамъ, что мнѣ, благодаря Бога, гораздо лучше; хотя еще ревматизмъ довольно сильно меня мучитъ, но это ничего въ сравненіи съ прежнимъ. Теперь большую часть дня могу сидѣть, не лежу по прежнему; писать мнѣ не такъ больно, какъ бывало; вяжу чулокъ, слушая, какъ мнѣ читаетъ вслухъ мой добрый Петерсонъ¹⁾ и даже сплю часа четыре въ сутки. Со времени пріѣзда Петерсонова мнѣ стало легче; теперь у меня и жена его, Лизавета Францовна²⁾. Пустыня моя оживилась! Сестра Авдотья Петровна съ Васильемъ Алексѣвичемъ, Катею и двумя ихъ дѣтьми, также пріѣхали въ деревню на этихъ дняхъ, и проѣздомъ домой всѣ у меня ночевали. Машеньку мою ожидаю не прежде какъ черезъ мѣсяцъ; теперь

1) Лѣвый братъ Анны Петровны Зонтагъ, педагогъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей.

2) Рожденная Реміи.

она на водахъ въ Франценбрунѣ въ Богеміи, близъ Эгры. Машенька благодарить васъ за память; она поручила мнѣ сказать вамъ, что сердечно васъ любить и между прочимъ пишетъ, что между многочисленными своими знакомыми не нашла еще никого, кто бы подобно вамъ выбралъ себѣ на долю: любить и помогать, а не судить и превозноситься. Она прибавляетъ: „Я не говорю *прощать*, потому что это слово значило бы, что она видитъ зло и признаетъ его“. Это значить, другъ мой сердечный, что вы живете въ такой любви, какую предписываетъ Апостоль Павелъ: „Любы долготерпѣть, милосердствовать, любы не завидить, не превозноситься, не гордиться, не безчинствовать, не ищеть своихъ, не раздражается, не мыслить зла, не радуется о неправдѣ, радуется о истинѣ; вся любить, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ“. Вы, моя милая, добрая, выбрали себѣ прекрасную долю любви, и она не отнимется отъ васъ; тотъ же Апостоль сказалъ, что, „любвы никогда не отпадетъ.“ Да сохранить васъ Господь милосердный! Прошу васъ сказать много хорошаго отъ меня Петру Николаевичу и дѣтямъ вашимъ, также и Татьянѣ Петровнѣ*), когда будете писать къ ней.

Александръ Петровичъ свидѣтельствуесть вамъ свое почтеніе и много благодарить за справки ваши; самъ теперь не пишетъ, потому что его нѣтъ дома. Обнимаю васъ крѣпко и люблю всѣмъ сердцемъ. Христосъ съ вами, моя дорогая! Отъ души ваша Анна Зонтагъ.

23 Декабря 1849 года.

4.

27 Апрѣля 1850 года. Мишенское.

Милые и почтенные друзья Петръ Николаевичъ и Катерина Сергѣевна!

Христосъ Воскресе! Обнимаю васъ мысленно со всѣми вашими дѣточками присутствующими и отсутствующими, и прошу Бога для великаго дня воскресенія Спасителя послать вамъ благословеніе и утѣшеніе сердцамъ вашимъ. Господь посылаетъ вамъ частыя испытанія, моя милая Катерина Сергѣевна. Очень понимаю, какъ вамъ жаль было потерять добрую вашу Мину! Но *потерти Господа, мужайся и да крѣпится сердце твое*, говоритъ святой псалмопѣвецъ. Оглянитесь на тѣ радости, которыя Господь оставилъ вамъ, и да крѣпится сердце ваше! Очень рада, что вы нашли средство добыть Таяничку! Только не думаю, чтобы она могла пуститься въ путь такъ скоро какъ вы

*) Это вѣроятно была дочь Подиановыхъ.

предполагаете! До сихъ поръ дороги еще не проѣзжаемы! Хотя рѣки и вошли въ берега, но грязь такая ужасная, что это невообразимо. До нынѣшняго дня у насъ были постоянные, непрерывные дожди. Нынче день устоялъ ясный, теплый, весенній. Я такой поздней весны въ здѣшнихъ краяхъ не помню. Травы еще вовсе нѣтъ, такъ что скотину не за чѣмъ и выгонять въ поле, тѣмъ больше, что она будетъ вязнуть въ грязи; а между тѣмъ дома кормить ее нечѣмъ: весь кормъ съѣденъ. На деревьяхъ нѣтъ ни листка, и едва показались почки. Нынѣшній годъ средняя Россія скорѣе похожа на Лапландію. Прошлаго года объ эту пору пахали, вывозили навозъ, а теперь отъ грязи ни за что приняться не возможно. Не подумайте, однако, чтобы я вамъ рассказывала это *жалуясь*: нѣтъ, это просто рассказъ, за не имѣніемъ ничего иного сообщить вамъ. Я терпѣть не могу жаловаться на дожди, засухи, жаръ, холодъ и тому подобное. Все это посылается Богомъ. слѣдственно съ благою цѣлью, хотя бы оно и казалось намъ зломъ. Какъ мы можемъ знать, изъ чего Господь извлечетъ пользу для насъ! Нами править воля всемогущая, премудрая, благая; слѣдственно, что ни было бы, останемся спокойны подъ ея владычествомъ! Извините, прошу васъ! Я пишу къ вамъ, не придумывая прежде того, что надлежало бы сказать, и съ пера срываются тѣ мысли, которыя на ту пору приходятъ. Это письмо выходитъ какъ бы какое поученіе. Не принимайте его такъ, мои драгоценные, я не смѣю и думать *поучать*, потому что мнѣ самой надобно поучиться. Это просто разсужденія.—Я провела весь постъ въ совершенномъ пустынножителствѣ. Сама не выходила и не выѣзжала отъ моего ревматизма (которому становится получше), и у меня никто не былъ. Да и Святую недѣлю сижу точно также одна отъ преужасной грязи. Въ Свѣтлый Праздникъ, похристосовавшись со священникомъ, мнѣ некому было сказать радостнаго: *Христосъ Воскресе*, кромѣ окружавшихъ меня мужиковъ. Еще въ первый разъ въ жизни я встрѣчаю этотъ праздникъ совершенно одна.—Но и этому видно должно быть ко благу души моей, когда Господь такъ устроилъ мою судьбу.

Знаете ли какова погода у насъ была? По окончаніи заутрени и во все продолженіе обѣдни и съ часъ послѣ была такая ужасная мятель, какъ въ Декабрѣ! Свѣту Божьяго не видно было; выпалъ снѣгъ вершка на два: потомъ цѣлый день шель проливной дождь, и до вчерашняго вечера дожди не переставали. Нынче же ясно, свѣтло, тепло, такъ что и я ужъ сидѣла на крылечкѣ.

Прошу васъ поцѣловать за меня вашихъ дѣтей и какъ скоро Таничка къ вамъ явится, увѣдомите меня, чтобъ я могла раздѣлить

вашу радость. Примите увѣреніе въ сердечной моей дружбѣ и истинномъ уваженіи.

Ваша покорная А. Зонтагъ.

Для радостнаго праздника печатаю краснымъ сургучомъ.

5.

Іюня 20, 1860 года.

Безцѣнная моя Катерина Сергѣевна! Письмо ваше отъ 9 Декабря, получено мною 21-го, и было мнѣ доставлено не г. Загоскинымъ, а просто по почтѣ. Да и кто захочетъ заѣхать ко мнѣ? Живу я хуже бабы-яги, потому что хотя добраго молодца напою, и накормлю, и спать положу, но въ баньку не свожу, ибо въ моей банѣ разломана печь. Душенька вы моя! Какъ мнѣ жаль васъ, что вы такъ грустили о Таничкѣ. Это мнѣ очень понятно. Однако будьте же благоразумны. Что Таничка объ васъ скучаетъ среди веселій, это ей дѣлаетъ честь, и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ она воротится подъ крылышко къ родимой; но вы знаете, что ей у добрыхъ родныхъ хорошо; слѣдовательно не спѣшите отправляться къ ней зимою. Дождитесь теплыхъ весеннихъ дней. Подумайте, съ вашимъ ли здоровьемъ пускаться въ дальнее зимнее путешествіе и везти съ собою пятаго половину, которому также эта дорѣга не можетъ быть ни пріятна, ни полезна! А тамъ заѣдете въ даль и станете грустить о тѣхъ дѣтяхъ, которыя останутся безъ васъ и о Петрѣ Николаевичѣ. Подождите весны. Будьте благоразумны и пожалѣйте за меня тѣхъ изъ вашихъ дѣтей, которыя на лицо. Поздравляю васъ съ праздникомъ и съ Новымъ Годомъ, который уже наступить, когда вы получите это письмо, хотя я отправлю его и по экстрепочтѣ.

Сказала бы я вамъ что нибудь о себѣ, да вовсе нечего, кромѣ только того, что у меня вотъ уже три мѣсяца какъ очень странно болитъ лѣвая рука, такъ что иногда мѣшаетъ и думать, и говорить. Живу я все одна и потому еще не похожа на бабу-ягу, что не только не развѣзжаю въ ступѣ, но и даже въ саняхъ не ѣзжу. Попробовала съѣздить за 8 верстъ къ племяннику, Ивану Кирѣевскому, и еще въ теплый день; всего было 5 градусовъ мороза, но и тутъ рука моя распухла и разболѣлась. Еще же не похожа на бабу-ягу потому, что она сидитъ, протянувшись изъ угла въ уголь и наполняетъ собою весь домъ свой, а я живу, прижавшись въ уголокъ моего маленькаго дома такъ, что меня и не видно. И еслибъ иногда, въ почтовый день не скрипѣло мое перо, то меня было бы и не слышно!

Однако въ Январѣ, собравшись нѣсколько съ деньжонками, хочу недѣли на три съѣздить въ Москву. Мнѣ нужно тамъ побывать; нѣкоторые старинные друзья очень зовутъ меня, и Машенька прогоняетъ меня въ Москву, воображая, что мнѣ одной очень скучно; а я, право, хорошенько уживаюсь сама съ собой. Дай Богъ, чтобъ все могли со мной такъ хорошо ужиться! Я все боюсь быть въ тягость добрымъ людямъ; знаете, старость иногда бываетъ скучна, но какъ я поѣду къ моимъ ровесникамъ, то авось не наскучу имъ. Еще разность между мной и бабой-ягой: мой домъ хотя избушка, соломой крытая, но не на курьихъ лапкахъ, не на шенныхъ пяткахъ, а на каменномъ фундаментѣ и стоитъ къ лѣсу бокомъ. Хотя онъ маленькій, но свѣтленькій, чистый, теплый, покойный и для меня одной слишкомъ великъ. Считаю заднюю и переднюю, въ немъ 7 комнатъ, въ которыхъ я исчезаю! Чтò мнѣ бываетъ непріятно въ деревнѣ, такъ это вѣтеръ, когда онъ завываетъ такъ, какъ теперь. Когда увидите моихъ Николаевскихъ знакомыхъ, особливо Кнорре и Лазаревыхъ, прошу васъ имъ сказать отъ меня много, много хорошаго. Васъ же, моя драгоценная, отъ всего сердца обнимаю и еще разъ прошу, будьте спокойнѣе на счетъ Танички. Я вамъ это говорю не потому, чтобы не умѣла вамъ сочувствовать, сердце мое испытало такъ много страданій, что никакое горе ему не чуждо, но мнѣ очень хочется знать васъ спокойныхъ, потому что я васъ душевно люблю. Христосъ съ вами! Будьте здоровы и Богомъ хранимы. Всѣмъ сердцемъ вамъ преданная Анна Зонтагъ.

23 Декабря 1849 года.

6.

18 Апрѣля 1854 года. Мишенское.

Нынѣшнею зимою я провела въ Москвѣ ровно два мѣсяца: пріѣхала къ 11-ому Января, а уѣхала 11-е Марта. Я останавливалась у сестры Авдотьи Петровны, которая перемѣнила квартиру и живетъ теперь въ Аванасьевскомъ переулкѣ, въ приходѣ Аванасія и Кирилы въ домѣ госпожи Слѣпцовой.

Пока я была въ Москвѣ, то очень аккуратно получала изъ Триеста мой хлѣбъ насущный, Машенькины письма, единственную радость моей жизни; а съ тѣхъ поръ какъ въ деревнѣ, и она стала адресовать письма свои въ Бѣлевъ, я голодаю, или алкаю, какъ говорилъ докторъ Дейеръ. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ не имѣю ни строчки изъ Триеста. Всякій день посылаю на почту и все мнѣ одинъ отвѣтъ: *Заранничная почта не приходила*. Я вѣрю, что дорога должна быть очень дурна черезъ Броды и Радзивиловъ, потому что отъ меня до Бѣлева едва

можно проѣхать въ теперешнюю пору. Если вы помните мѣстоположеніе Мишенскаго, то вообразите, что Ока подливала подъ самую гору или пригорокъ на которомъ стоитъ мой домъ, и все это огромное пространство луговъ между моимъ домомъ и Жебынскою Пустынью было покрыто водою. Видъ былъ прекрасный и очень напоминалъ мнѣ Одесскую бухту. Но вотъ три дня какъ вода ушла, оставя послѣ себя грязныя лужицы на моемъ лугу. Я очень нехорошо встрѣтила праздникъ, при дурной погодѣ, больная, одна-одинехонька и безъ писемъ отъ Машеньки. Однако, не смотря на сильную стрѣльбу въ ухо, я все ходила въ церковь на Страстной недѣлѣ, чтобъ мнѣ можно было сказать въ Свѣтлый Праздникъ Воскресенья Христова: „Сраспинахся Тебѣ, Христе, спогребся Тебѣ вчера, совозстаю днесъ!“ На всѣ горести и бѣдствія жизни одинъ утѣшительный возгласъ: Христось Воскресе! Ты, милая Таничка, спрашиваешь, что страшнѣе---борьба съ людьми, или стихіями? Ужъ, конечно, борьба съ людьми! Особливо съ таковыми людьми, каковы Англичане. Они не по храбрости своей страшны, а по коварству, обманамъ, предательству. Для нихъ всѣ средства позволительны: измѣна, ложь, отравленія, даже дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій. Изъ всѣхъ царей земныхъ, одинъ нашъ Русскій Царь показываетъ себя честнымъ, благороднымъ рыцаремъ. Про Англійскую королеву, говорить нечего; это кукла, которою Парламентъ вертитъ, какъ хочетъ. Во Франціи владычествуетъ какой-то сумасбродный интриганъ, и его слушаютъ до поры до времени, а пуще потому, что Англія сѣла ему на плечи. Пруссскій король живетъ въ вѣчномъ недоумѣніи и наливается пивомъ. Австрійскій императоръ, кровожадный юноша, подписывая безпрестанно смертныя приговоры, остается вѣренъ подлой, гнусной Австрійской политикѣ и выжидаетъ времени, чтобы пристать къ странѣ сильнѣйшаго. Вотъ въ какомъ теперь положеніи Европейскіе люди стали противъ насъ. Конечно, борьба съ людьми страшнѣе борьбы съ стихіями!*)...

Отъ Машеньки продолжаю получать письма очень исправно; она около двухъ мѣсяцевъ прожила у свекра, въ загородномъ домѣ, близъ Вѣны. Уѣзжала изъ Триеста, съ дѣтьми, отъ несноснаго жара: а Луи. между тѣмъ, по порученію своего правительства, ѣздилъ осматривать берега Далмаціи. Теперь она уѣхала въ купленное мужемъ ея помѣстье, въ Карніоліи, куда долженъ къ ней пріѣхать и Луи. Благодаря Бога. они всѣ здоровы, и Машенька въ обыкновенномъ положеніи. Молю Бога, чтобы у нея больше не было дѣтей, лишь бы эти были живы! Мнѣ совсѣмъ не хочется, чтобы потомство мое размножалось въ нена-

*) Адресъ: Костромской губерніи, въ городъ Варнавинъ, въ селцо Высокое.

вистной мнѣ Австрiи. Слава Богу, что Прусскій король успѣлъ отвратить этого дряннаго императоришку Франца Иосифа отъ войны съ нами; непріязненныя отношенія нашихъ двухъ державъ лишили бы меня послѣдняго утѣшенія въ жизни: вести исправную переписку съ дочерью.

О себѣ вамъ сказать совершенно нечего. Я живу въ глубочайшемъ уединеніи; ко мнѣ прѣзжаютъ посѣтители рѣдко, а я выѣзжаю еще рѣже. Вязу филе, Анютѣ въ приданое; моя филейная работа достигла величайшей степени совершенства. Я ужъ послала Машенькѣ двѣ филейныя косынки, одну голубую гарусную, другую бѣлую изъ тонкой бумаги, точно кружевную; теперь готова третья, черная шелковая, лучше всѣхъ. Все это вывязано и вышито мною. Въ вышиваньи, однако, мнѣ помогала моя Дуняша, которую вы знаете. Но этой третьей косынки отсюда не могу переслать, за неимѣніемъ таможи въ Бѣлевѣ. Еще меня очень озабочиваетъ и занимаетъ поправка въ моей церкви; а какъ приходъ мой бѣденъ и кромѣ одной меня помѣщиковъ не имѣется, то всѣ издержки для этой починки лежатъ на мнѣ одной, что мнѣ стоитъ дорого, дороже чѣмъ я ожидала. Но починка необходимая, и я надѣюсь, что Богъ поможетъ мнѣ справиться. Хозяйство мое идетъ, какъ должно идти у старой женщины, то есть очень плохо. Впрочемъ не у меня одной, но кажется и вездѣ тоже. Ржи нажато много, но много соломы, а зерна мало, и то очень легковѣсно. Ленъ у насъ съется только для домашняго обихода. Сѣна множество, а огурцовъ такъ много, что смѣшно сказать: въ Бѣлевѣ на торгу отдають четверикъ за двѣ копѣйки ассигнаціями, и тутъ покупателей не находятъ; цѣлые обозы возвращаются къ огородникамъ непроданные. Еще у насъ великое изобиліе мухъ, и въ этомъ отношеніи моя филейная работа очень пригодна. Размахивая руками, я ихъ отъ себя отгоняю. Только я ужъ такъ прилежно работаю, что обыкновенно въ концѣ дня у меня заболитъ грудь. Смѣшно будетъ, если я впаду въ чахотку отъ того, что вязала филе. А я спѣшу этою работою, чтобы не умереть, не приготова моей Анютенькѣ нарядныхъ завѣсокъ въ приданое. Она же дала мнѣ слово, что непременно выйдетъ замужъ за Русскаго.

Анна Зонтагъ. Мишенское.

8 Августа 1854 года.

7.

9 Октября 1855 года Мишенское.

Мнѣ иногда говорятъ: для чего вы не возьмете себѣ компаньонки? Для того, что я не нахожу ничего несноснѣе компаньонки. Платить деньги за то, чтобы мнѣ угождали, за то, чтобы скучали мною, или

за то чтобы эта компаньонка (по слабости моего характера) сѣла мнѣ на шею и чтобы я скучала ею, или вмѣстѣ съ нею! Какова еще навяжется? *Lé Rochefoucauld* сказалъ: *l'intimité est une épreuve que peu de personnes supportent, même celles qui pensent le mieux*¹⁾! И это совершенная правда. Къ тому же не я устраивала судьбу моихъ послѣднихъ дней; Господь послалъ мнѣ это одиночество, и потому заключаю, что оно мнѣ нужно и переносу его съ покорностью и смиреніемъ, говоря себѣ: *il vaut mieux être seule, que mal accompagnée*²⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ у меня нѣтъ семьи, я считаю себя мертвою, и люблю Мишенское, какъ мою могилу, изъ которой не имѣю желанія выходить. Но что это я разболталась о себѣ? *Себялюбіе* не должно быть у мертвыхъ! Видно, я жива еще, и жизнь даетъ себя очень тяжело чувствовать, когда не получаю писемъ отъ Машеньки, какъ это случилось на нынѣшней недѣлѣ, и когда думаю о теперешнихъ обстоятельствахъ нашего бѣднаго отечества. Конечно, потеря Севастополя меня огорчила, и больше, нежели вы можете вообразить. Эта потеря влечетъ за собою потерю всего Крыма, а съ этимъ и Чернаго и Азовскихъ морей. Теперь силы непріятели устремляются на Одессу и Николаевъ. Конечно, Русскіе постоятъ за себя, но трудно и едва ли возможно устоять противъ всей Европы, которая задумала погибель Россіи. Тѣ державы, которыя не дѣйствуютъ противъ насъ явно своимъ орудіемъ, помогаютъ нашимъ непріятелямъ своимъ нейтралитетомъ. Не сравнивайте этой войны съ войною 1812 года. Тогда вся Европа шла противъ насъ, но шла неохотно, потому что была угнетена властолюбіемъ Наполеона; а теперь желаютъ всѣ успѣха врагамъ нашимъ, въ надеждѣ посчитаться чѣмъ-нибудь. Войско наше храбро, но у насъ нѣтъ искуснаго полководца! И—Богъ знаетъ, чтò будетъ! Долго ли продолжится это кровопролитіе и чѣмъ кончится эта война! Поздравляю васъ съ тѣмъ, что двое сыновей вашихъ находятся въ арміи Муравьева. Тамъ дѣла идутъ хорошо. Турки бѣгутъ отъ нашихъ, или сдаются, почти безъ сопротивленія. Тамъ не страшнѣ даже и великій Турецкій полководецъ Омеръ-паша, который не можетъ подать помощи Карсу. Но вотъ эти проклятые союзники съ ихъ адскими изобрѣтеніями! И они, какъ бѣшенныя собаки, всюду суются. И въ Балтійскомъ, и въ Бѣломъ моряхъ, и въ Камчаткѣ! Я очень боялась за вашего Василья Петровича. Слава Богу, что наша эскадра въ Тихомъ океанѣ ускользнула отъ хищничества этихъ разбойниковъ; они дѣйствуютъ точно, какъ разбойники. Теперь Василью Петровичу нечего дѣлать въ Амурѣ,

¹⁾ Близость есть испытаніе, которое выносятъ немногіе люди, даже отлично благоразумные.

²⁾ Лучше быть одной, нежели съ плохой сожительницею.

почему бы ему не возвратиться къ вамъ? Съ какимъ бы восторгомъ добрые родители обняли своего милаго путешественника, избѣгнувшаго отъ столькихъ опасностей. И для него какое было бы счастье отдохнуть въ родной семьѣ. Вѣдь и это путешествіе любопытно не менѣе другихъ: проѣхать насквозь всю Сибирь!

8.

Видно, любезный Петръ Николаевичъ, васъ очень озабачиваютъ предводительскіе вопросы. Мнѣ были также заданы эти вопросы, а какъ посоветоваться было не съ кѣмъ, то я отвѣчаю на нихъ, какъ умѣю, говоря всю сущую правду о цѣнности земли: не покупала и не продавала. Вамъ, какъ мужчинѣ, конечно, нельзя дать такого отвѣта. Только я думаю, что тотъ изъ вашихъ помѣщиковъ, который оцѣнилъ наемъ десятины въ 60 коп., совралъ, а который оцѣнилъ въ 6 р. правъ; у насъ меньше этого нельзя нанять землю. Чтò дѣлаетъ нашъ комитетъ въ Тулѣ, не знаю. Хотя племянникъ мой Николай Елагинъ выбранъ однимъ изъ депутатовъ Бѣлевскаго уѣзда, но онъ ко мнѣ никогда не пишетъ, а съ сестрой моей я ужъ больше мѣсяца какъ не видалась.

Кажется, Машенька боится для меня теперешнихъ обстоятельствъ. Напрасно! Я не была дурною госпожею для крестьянъ моихъ, и если они вздумаютъ убить меня, чего я никакъ не полагаю, то имъ же хуже, а я ужъ отжила мой вѣкъ! Что касается до зятя, то онъ ни за что не поѣдетъ жить въ Петербургъ; говорить, что тамошній климатъ его уморить.

А. Зонтагъ.

13 Ноября 1858 года. Село Мишенское.

9.

Драгоценный другъ мой Катерина Сергѣевна и вы, сердечно мнѣ любезный Петръ Николаевичъ!

Не умѣю изъяснить вамъ, какъ я вамъ благодарна за письмо ваше, которымъ вы вздумали порадовать меня въ самый день свѣтлаго Христова праздника. Я получила его черезъ три недѣли (такъ хороши наши почтовые сообщенія) и отвѣчаю съ первою же почтою. Грустно мнѣ знать, что ваше здоровье, моя дорогая Катерина Сергѣевна, все плохо. А воть, соединясь съ Сергѣемъ Петровичемъ, вамъ будетъ веселѣе, и здоровье самое отъ этого поправится. Полагаю, что вы совершите ваше путешествіе до Нижняго Новгорода на пароходѣ; эта ѣзда самая спокойная и для васъ удобнѣе всякой другой.

О себѣ вамъ сказать хорошаго нечего. Съ самаго Благовѣщенья я такъ больна, что нигде не гожусь. Три недѣли пролежала въ постели; теперь нѣсколько дней, какъ начала вставать понемногу, но еще очень слаба и всякій день чувствую сильную головную боль. Живу я совершенно одна, и ухаживаетъ за мною съ величайшей любовью и усердіемъ моя женщина Дуняша, которую вы знаете. Сестра моя еще въ Декабрѣ уѣхала въ Москву. Съ нею Катерина Ивановна, Василій, сынишка ихъ Алеша и Николай Алексѣевичъ. Катерина Ивановна должна родить или въ концѣ нынѣшняго мѣсяца, или въ началѣ Мая. Мы всѣ со страхомъ ожидаемъ этого событія. Помилуй ее Господи! Кромѣ кончины племянницы моей Марьи Васильевны, въ прошломъ году для меня была и еще чувствительная потеря: скончалась моя двоюродная сестра и одно-колыбельница, Анна Николаевна Вельяминова. Въ нашей семьѣ представителей стараго времени осталось только двое: сестра Авдотья Петровна да я. Кажется, очередь приходитъ за мною; да и пора! Хотѣлось бы дожить до лѣта, чтобы свидѣться съ Машенькой и взглянуть на дѣтей ея; онѣ обѣщаютъ пріѣхать ко мнѣ лѣтомъ.

Прощайте, мои милые; письмо это коротенькое, но на столько-то достало силъ моихъ! Мнѣ очень трудно писать. Обнимаю васъ обоихъ, и прошу сказать мой дружескій привѣтъ вашимъ дѣтямъ.

22 Апрѣля 1860 года. Ваша Анна Зонтагъ. Мишенское.

10.

Безцѣнная моя Катерина Сергѣевна!

Получа милое письмо ваше, мнѣ хотѣлось тотъ же часъ отвѣчать на него, но болѣзнь моя до того не допустила. Я все еще больна, и все еще мнѣ очень трудно писать; но хочется непремѣнно, хотя со многими отдыхами, написать вамъ нѣсколько строкъ, чтобы сказать, что я очень рада, что вы въ Нижнемъ, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Петровичемъ, Петрушею, Сашею и вашею Англичанкой, а не въ вашемъ Варнавинскомъ захолустьѣ.

Для больныхъ совершенное одиночество не годится, это я знаю по себѣ. Пока болѣзнь не уложила меня на одрѣ страданія и пока я не лишена была возможности заниматься, мое одиночество было для меня не только сносно, но даже пріятно. Но когда жестокой ревматизмъ не даетъ мнѣ возможности не только дѣлать что нибудь, но даже думать, когда я провожу безсонные дни и ночи, мнѣ стало тяжело быть одной, хотя знаю, что страданіями моими могу навести тоску на

добраго товарища. 25-го числа будетъ два мѣсяца какъ я больна. Доктора обѣщаютъ всякій разъ, что боль эта пройдетъ скоро, но это скоро проходитъ очень медленно. Но теперь я не одна. Мой добрѣйшій Александръ Петровичъ Петерсонъ, едва оправившись отъ тяжелой болѣзни, прїѣхалъ ко мнѣ, и вотъ ужъ недѣля какъ онъ за мною ухаживаетъ, какъ самый нѣжный сынъ. Сестра моя въ Москвѣ, съ Катею, Васей, Алешей и новорожденною малюткою Машей, которую Богъ далъ Катѣ. Николай прїѣхалъ сюда въ деревню, на нѣсколько дней, но скоро опять уѣзжаетъ въ Москву, чтобы отправиться за границу. Моя Машенька обѣщаетъ побывать у меня нынѣшнимъ лѣтомъ. Вотъ все, что могу сказать вамъ; спѣшу кончить, потому что мнѣ стало очень больно. Обнимаю васъ и прошу сказать много хорошаго всѣмъ вашимъ. Будьте здоровы! Сердечно любящая васъ

Анна Зонтагъ.

20 Мая 1860 года. Миншенское.

11.

Тріестъ, 22 Ноября 1860 г.

Если вы еще не знаете гдѣ я, то очень удивитесь, взглянувъ на заглавіе. Вотъ и мнѣ, въ глубокой старости, пришлось колесить по Нѣмечинѣ. Машенька, бывши у меня, уговорила меня ѣхать съ собою, и я переплыла бурное Балтійское море, уже въ первыхъ числахъ Сентября, ѣхала не прямымъ путемъ до мѣста назначенія, а колесила по Германіи, плавала по живописному Рейну и, переѣхавъ тридевять земель, прибыла наконецъ въ тридевятое царство, сей городъ Тріестъ, изъ котораго, быть можетъ, насъ изгонитъ или Змѣй Горыничъ Гарибальди, или Иванъ Царевичъ Викторъ-Эмануиль. Здѣсь объ этомъ иногда поговариваютъ; здѣсь, въ торговомъ городѣ недовольны тѣмъ, что торговля идетъ худо, но всѣ остаются спокойны, даютъ вечеринки, концерты, ѣздятъ въ театры, которыхъ здѣсь пять, и ждутъ начала войны, съ наступленіемъ весны. Вы можете вообразить, что я, особа совершенно посторонняя, не участвую ни въ общественныхъ увеселеніяхъ, отъ которыхъ давно отказалась еще живучи дома, ни въ общественномъ страхѣ, не касающемся до меня, иностранки. Только жалко смотрѣть на множество разоренныхъ Итальянцевъ, которые, въ ожиданіи обѣщаемой свободы, величія соединенной Италіи и благоденствія ея, просятъ милостыню среди улицъ Тріеста! А эту милостыню подавать очень трудно, потому что денегъ здѣсь нѣтъ. Здѣшніе крейцеры, назначенные изображать копѣйку серебромъ (нашу) величиною въ нашъ гривенникъ, ничто иное, какъ посеребренная мѣдь, да и этой дурной монеты такъ мало, что теперь выдумали асигнаціи въ 10 крейцеровъ. Зато здѣш-

нія асигнаціи прекрасны! Съ изображеніями разныхъ мифологическихъ боговъ; каждую хоть въ рамку вставить. Климатъ здѣсь, когда не дуетъ Бора, прекрасенъ, тепла отъ 10 до 13⁰/₁₀ на термометръ, обращенномъ на Сѣверъ; но дождь идетъ почти ежедневно, не смягчая земли, которая на нѣсколько миль кругомъ ничто иное, какъ камень, тотъ самый, которымъ вымощены многіе тротуары въ Одессѣ. По причинѣ теплой погоды, здѣсь часто открываютъ окна, отъ чего я, жительница Сѣвера, очень озябла. Въ Триестѣ двѣ православныя церкви, одна Греческая, въ которой я еще не была, а другая Славянская, гдѣ служба точно какъ у насъ; церковныя книги напечатаны или въ Москвѣ или въ Кіевѣ; напѣвъ церковный Бортнянскаго, только для меня странно слышать на ектеніи поминаемаго Франца-Іосифа, въ это время я молюсь за Александра Николаевича. Тѣ изъ жителей, съ которыми я познакомилась, очень любезны и привѣтливы. Живутъ великолѣпно и очень высоко: чтобы дойти до нашего второго этажа, надо взобраться на 66 ступней, а надъ нами еще два жилья! За то я выхожу какъ можно рѣже изъ дома, чтобы не быть принужденной лезть на эти 66 ступней. Здѣсь говорятъ такимъ множествомъ языковъ, что я боюсь забыть мой родной Русскій, который употребляется Машенькою, мной и рѣдкими путешественниками Русскими. Начиная съ *Славянскаго*, часто непонятнаго для насъ, потомковъ Славянъ, отъ необыкновенныхъ для насъ удареній, *Нѣмецкій*, *Французскій* и *Итальянскій*, которымъ говоритъ народъ. матросы, который употребляется въ торговлѣ и на театрѣ.

II. Письмо Е. И. Елагиной къ Е. С. Поливановой о кончинѣ А. П. Зонтагъ.

1-го Мая 1864 г.

Вы не повѣрите, дорогая, милая Катерина Сергѣевна, какъ отраднo было мнѣ получить (только сегодня) ваше письмо. Я нѣсколько разъ послѣ кончины тетеньки Анны Петровны*) думала написать къ вамъ, но потеряла вашъ адресъ; и не знала, гдѣ и какъ достать его. Письмо ваше отъ 12-го получила я только 1-го Мая, потому что и братъ и маменька, и мужъ, и я, всѣ въ Москвѣ, почта между Бѣлевымъ и Москвой ходитъ ужасно долго. Но вы желали подробностей, и потому сообщу вамъ все, чтo мы знаемъ.

Тетенька скончалась совершенно одна, потому что, не смотря на всѣ просьбы маменьки пріѣхать къ намъ въ Москву, она не захотѣла

*) А. П. Зонтагъ была родная тетка супругу писавшей это письмо, Василью Алексѣвичу Елагину. П. Б.